

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 947.083 (471.324)

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И АВСТРО-ВЕНГРИИ НА БАЛКАНАХ В 1902-1914 ГОДЫ

© 2014 г. П.П.Рыхтик

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pahok16@yandex.ru

Внешнеполитическое противостояние русской и австро-венгерской дипломатии в Балканском регионе и роль в этом противостоянии национального фактора, как ключевого для обеих держав.

Ключевые слова: Балканский регион, триализм, Черногория, Сербия, Австро-Венгрия, Российская империя.

По сей день в ходе различных геополитических процессов, прежде всего в процессе складывания стратегических и политических союзов на стыке сфер влияния этих союзов нередко оказываются определённые буферные зоны, по ряду факторов тяготеющие сразу к обеим геополитическим группировкам или же стремящиеся к нейтралитету. Ярчайшим примером подобного явления в последние дни служат события, происходящие на Украине. Поэтому как никогда остро встаёт вопрос о поиске неких исторических аналогий подобных процессов, восприятию и учёте всего исторического опыта, который они способны нам предоставить. По мнению автора работы таким примером может явиться ситуация сложившаяся вокруг Балкан в начале двадцатого века. В 1902-1914 годах балканский регион оказался в сфере пересечения интересов двух крупных военно-политических блоков, Тройственного союза и Тройственного соглашения, и вследствие определённых процессов именно здесь затем грянул взрыв эхом, прокатившийся до всех уголков земного шара.

Начиная рассуждать о Балканах, следует сразу обозначить, что данный регион в 1902-1914 не представлял собой единое целое, а скорее некую группу разобщённых и слабо тяготевших друг к другу территорий. Складыванию подобной ситуации способствовал целый ряд факторов, без рассмотрения и учёта которых проблематично понять все особенности данного региона и главное особенности политики, проводимой Великими державами в означенный период.

Прежде всего, рассмотрим фактор географический. На юго-восточной оконечности Европы сильно выдвигается из материка крупный Балканский полуостров. В географическом отношении на территории полуострова доминируют горы, от Динарского нагорья до гор Пелопоннеса и нагорий Болгарии. Само название Балканского полуострова идёт от турецкого «Balkan» или «большая, высокая горная цепь, поросшая лесами» [14]. Причудливыми изгибами горных цепей образуются также редкие равнины, обычно по окраинам полуострова и в межгорных котловинах. Таким образом, между различными землями полуострова возможно установление каких-либо сухопутных связей лишь через небольшое количество узких горных перевалов, а порой и невозможно вообще. Контроль над этими путями позволяет небольшому государству с пусть даже малочисленной армией вести длительную и успешную оборону против превосходящих сил неприятеля. Примером подобному в предшествующий период история для нас сохранила много, от обороны Фермопил в период Греко-Персидских войн до боёв за Шипкинский перевал в Русско-Турецкую войну 1877-1878 годов. С точки зрения завоевателя же контролировать горные территории гораздо сложнее, нежели просторство равнин.

Дунай – крупнейшая судоходная река региона. Протекает на Севере. Она связывает собой экономически все прилежащие к ней земли. Факт практически полного отсутствия в 1903-1914 годах на Юге больших судоход-

ных рек и слабого развития морской инфраструктуры, прежде всего крупных оборудованных портов, а так же достаточного количества железных дорог, напротив, не позволял связать данные территории в единую экономическую зону.

Здесь, как мы видим, выделяется следующий фактор – экономический. Ценные полезные ископаемые, такие как нефть и природный газ, встречаются редко. И основной статьёй производства и экспорта балканских стран в это время выступают продукты сельского хозяйства [18, С. 46-54]. Важно, что, согласно общим законам экономики, на сельскохозяйственном рынке практически полностью отсутствуют условия для появления крупного монополиста, способного подчинить себе экономически всех прочих, тем самым крайне слабы тенденции к естественному складыванию внутреннего рынка, это может быть навязано лишь действием «сверху».

Кроме всего прочего в 1902-1914 годы Балканы являются регионом, куда активно вывозится европейский капитал [18, С. 26-35], и в этой ситуации капиталистическим странам становится гораздо выгоднее поддерживать разобщённость отдельных балканских стран, для проведения более удачной экономической экспансии.

Далее рассмотрим историко-культурный фактор. С точки зрения цивилизационного подхода в истории Балканский полуостров предстаёт уникальной контактной зоной. Здесь присутствуют в соизмеримых долях ряд противоречащих друг другу религиозных течений, которые можно сгруппировать по принадлежности к одной из двух доминирующих в регионе мировых религий, христианству или исламу. Кроме того здесь встречаются и переплетаются культуры сразу трёх полюсов: европейского, евразийского и ближневосточного. Таким образом, здесь в ходе своего исторического развития формировались целые религиозно-культурные анклавы, многие из которых сохраняются и по сей день [9, С. 5]. Подобная культурная эклектика, конечно, не могла не привести к складыванию ряда принципиальных и подчас неразрешимых противоречий, образующих в конечном итоге множество центростремительных сил в различных областях региона.

Следующим стоит рассмотреть фактор этнический. На сравнительно небольшой территории балканского полуострова проживает множество народов и народностей, как южнославянских (сербы, словенцы, болгары,

черногорцы, боснийцы, македонцы), так и народов тюркоязычных, а также албанцы, греки, румыны и венгры. При этом в силу ряда выше названных причин, прежде всего географических, к периоду 1902-1914 годов все они уже закрепили за собой исторически населёемые ими земли, и столетиями практически не меняли границ своего проживания. В отрыве от предыдущего он рассматривается в связи с двумя важными особенностями. Во-первых, как будет видно из дальнейшего изложения, именно он часто выступал ключевым в деле формирования балканской политики Ведущих держав, прежде всего Австро-Венгрии и Российской империи [22, С. 98-99]. И, во-вторых, в различных ситуациях, и при грамотном использовании его различными политическими кругами, как самих балканских государств, так и Ведущих, он достаточно легко и быстро мог менять своё значение деконсолидирующего фактора на прямо противоположное, то есть служить делу всебалканского единства.

Далее следует остановиться на факторе политическом. В конце XIX века от начинающей ослабевать Османской империи на Балканах отделяются её национальные окраины, и в итоге образуется ряд новых национальных государств. С точки зрения школы политического реализма кажется абсолютно естественным, что перед новыми государствами остро встал ряд следующих задач [13, С. 51-68]. Во-первых, отстаивание своей независимости, вплоть до вооружённой борьбы за неё. Во-вторых, продолжение борьбы с турецким игом и расширение собственных территорий. Здесь по вопросу разделения территорий дряхлеющей Порты меж самими молодыми странами существовали определённые противоречия, а их неразрешённость в 1913 году привела к развязыванию второй балканской войны, за передел отошедших Болгарии территорий. И, в-третьих, в условиях постоянного сильного влияния Ведущих держав на политику балканских государств, последние были вынуждены, в силу своего шаткого положения прибегать к стратегии лавирования, между двумя военно-стратегическими блоками, принимая дивиденды с обеих сторон и обеим сторонам же посылая обещания о дружбе и сотрудничестве. Ибо окончательное примыкание к одной из сторон влекло неминуемое полное подчинение малого государства интересам и влиянию этого блока, вплоть до полной потери независимости [16, С. 456-459, С.476].

И наконец, последним рассмотрим уже несколько затронутый геополитический фактор. Именно на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков он проявился наиболее остро и стал значительно влиять на балканскую политику держав Тройственного союза и Тройственного соглашения. Каждая из Ведущих держав Европы имела свои геополитические интересы на Балканах. Так для Германии контроль над Балканским регионом и обеспечение прямых путей сообщения с Турцией через Австро-Венгерскую территорию открывал стратегический простор для экспансии на контролируемые Британской империей территории Ближнего Востока, Северной Африки и в дальнейшем Индии. Италия видела в ослабленной Турции объект своей прямой военной экспансии, как в Африке, так и на территории Балкан [23, С. 9-25]. В условиях усиления Германии и России для Австро-Венгрии в начале двадцатого века южный путь экспансии останется последним и единственно возможным. Великобритания, в свою очередь, стремилась к сохранению своих колониальных владений, и недопущению германского доминирования на Балканах. Франция проводила политику охраны своих кредиторов и экономических концессий на Балканах с параллельным расширением экономической экспансии [18, С. 13-38]. Двум последним державам, таким образом, были более выгодны разделённые, но сильные Балканские страны, как заслон на пути окончательного складывания германско-турецкого союза.

Особо стоит отметить, что по состоянию на 1902 год балканские страны были крайне разобщены главным образом в сфере своей внешней политики.

Румыния, находящаяся под управлением проавстрийски настроенного Карла I Гогенцоллерна, всё сильнее в этот период вовлекалась в орбиту влияния Тройственного союза. Особой конвенцией, о подписании которой Главному штабу было известно [16, С. 30], она обязалась помочь союзу своими военными силами, а потому относилась к числу врагов России.

Отношения славянских государств полуострова в это время были осложнены прошедшей недавно Сербско-Болгарской войной [16, С. 44], к тому же отмечалась общая неустойчивость политики Сербии и Болгарии [16, С. 31]. По настоящему «верным другом» России в донесениях Главного штаба называется лишь «маленькая геройская Черногория» [16, С. 38].

Из всех Ведущих держав Европы начала двадцатого века балканская политика именно России и Австро-Венгрии имела наиболее прочные и уходящие вглубь истории корни. При этом анализируя политику этих держав в целом и, в особенности, на Балканах можно заметить, что её краеугольным камнем, как правило, выступает национальный вопрос. Поскольку и Австро-Венгрия, и Россия являлись крупными многонациональными державами, этот вопрос приобретал для них первостепенное значение, определяя во многом их жизнеспособность. Апеллируя на различных политических уровнях противоречиями, возникавшими во внутренней политике этих империй и южнославянских государств Балканского полуострова, они выстраивали свою внешнюю политику, стремясь вовлечь в орбиту своего влияния, как можно большее число населявших регион славянских народов.

Для России Балканы находились в сфере её главных стратегических интересов. Прежде всего ей было необходимо, наконец, разрешить ставший уже притчей во языцех вопрос о черноморских проливах. Именно через них в случае военного конфликта с Тройственным союзом и в условиях сложившейся стратегической обстановки она могла получать бесперебойное снабжение снарядами и другими необходимыми военными припасами из Франции и Англии.

Начиная с эпохи Петра Великого, Россия начинает шаг за шагом сознавать себя старшей сестрой-покровительницей южнославянских народов, «томящихся под гнётом османского ига». Идея эта со временем входит и в общественное сознание. Ещё ранее с падением Константинополя в Московии начинает постепенно формироваться идеологическая концепция «Москва – Третий Рим». Россия возлагает на себя обязанности хранительницы и защитницы православия. А русские цари, всё сильнее укрепляются в мысли, что предел их власти отнюдь не обозначен границами государства российского, но подобно власти византийского басилевса есть она повсюду, где распространена православная вера. В своё время, например, это послужило причиной конфликта, приведшего к Крымской войне, а также поводом для вторжения России на Балканы в Русско-Турецкой войне 1877-1878 годов.

Не представляется удивительным, что и в начале двадцатого века Россия продолжает делать упор в своей политике на национальный и религиозный аспект. Так при раз-

работке военно-оперативных планов в отношении Балкан, Сербия, Черногория и Болгария фигурируют в докладных записках, как «естественные союзники России», исходя из естественных симпатий и убеждений массы населения [16, С. 30-31].

И сами представители южнославянской интеллигенции в этот период порой выступали с памфлетами к русскому правительству, высказываясь за идею панславянского единства, призывая к изгнанию Турции из Европы, отрыву Австрии от Германии и разграничению славянских земель между Россией и Австро-Венгрией на паритетных началах [22, С. 98-99].

Проявлялось это ощущение славянского внутреннего единения и в других аспектах. Так, например, некоторые проживавшие и обучавшиеся в России словенцы, а так же и проживавшие на территории Австро-Венгрии искренне сопереживали горю русского поражения в Русско-Японской войне в 1904 году. В этом даже проявлялись тенденции к сближению русского и словенского обществ [22, С. 396-397].

Нередко пророссийские настроения в народе оказывали прямое воздействие на политику балканских государств. Так именно под их влиянием черногорский князь Николай не смог окончательно решиться порвать военные сношения с Россией и перенаправить свою внешнюю политику в русло союза с Австро-Венгрией [16, С. 333-337]. Вплоть до Боснийского кризиса 1908-1909 он метался меж двух полюсов, с образованием же угрозы австрийской экспансии он был вынужден пойти на подписание военного соглашения с Россией, по сути отдававшего черногорскую армию в подчинение русскому Главному штабу [16, С. 456-459, С.476.].

Сильно влияние национальных идей на политику было и в Сербии. Так в ключе национальных интересов были составлены программы трёх ведущих политических партий [4, С.86 – 107].

Так же примечательна история взаимоотношения балканских стран с Австро-Венгрией. В середине – второй половине девятнадцатого века Германия завершает процесс объединения, уничтожив Священную Римскую империю и в конечном итоге умалив влияние Австро-Венгрии в центральной Европе. И на северных границах Австро-Венгрии появляется сильное государство, экономически и в военном отношении довлеющее над ней. Вследствие дальнейших процессов Австро-

Венгрия подпадает под её нарастающее влияние и для защиты своих национальных интересов входит в Тройственный союз под эгидой Германии. Ещё на северо-востоке и востоке Дунайская монархия граничила с Российской империей, на прямой конфликт с которой она пока не готова была решиться. Таким образом, южный путь экспансии остаётся для Австро-Венгрии единственно возможным в экономическом и военном аспекте. Задачу минимум она видела в захвате Македонии, достижении Салоник, создании разделяющей немецко-мадьярской полосы между Сербией и Черногорией и окончательное включение их в орбиту своего экономического влияния [16, С. 40].

Внутренняя политика Австро-Венгрии в оккупированных на Балканах территориях, нередко направленная на подавление у населения славянского самосознания и постепенное расшатывание устоев православия только способствовало укреплению славянской идеи, стремлению сбросить чужеземное иго и примкнуть к общему сербскому государству [16, С. 39.].

Однако, говоря о национальном вопросе во внутренней и внешней политике Австро-Венгрии в этот период нельзя не заострить своё внимание на одной смелой политической инициативе, с которой выступили в начале двадцатого века австрийский престолонаследник Франц-Фердинанд и его единомышленники. Интересен данный проект, прежде всего, тем, что предполагал принятие основных мер не во внешней, а во внутренней политике империи.

В XIX веке там сложилась так называемая дуалистическая система управления. В ходе борьбы с венгерским сепаратизмом император согласился пойти на уступку, предоставив этой нации широкие права, наравне с австрийцами, что в рамках национальной империи играло колоссальное значение. Проект Фердинанда предполагал создание уже триалистической системы, с расширением прав славянских народов в составе империи. Предполагалось усилить в империи роль славянского населения, прежде всего хорватов, создав тем самым ещё одну внутреннюю национальную опору монархии, сгладив внутренние национальные противоречия, и обеспечив себе южный плацдарм для вовлечения под своё влияние других южнославянских территорий на Балканах с их последующим присоединением [18, С. 20-22]. По сути, этот проект предполагал обернуть в свою пользу

национальный фактор. Долгое время этот фактор работал против австрийцев, как в деле продвижения на Балканах, так и в деле контроля над уже занятыми империей южнославянскими территориями. В условиях нарастания в то время антинемецких настроений в Праге, охвативших, в том числе, и Венский университет и некоторого разброда в среде лояльных в отношении к России Австро-Венгерских славистов [22, С. 332], политика триализма, проводимая правительством сверху, скорее всего, нашла бы почву для укоренения. В первую очередь авторы проекта надеялись, что это привлечёт общественное мнение южнославянских государств на Балканах к идее вхождения в состав империи на правах автономий. Здесь для наглядности автор работы считает уместным вновь вспомнить недавние события, связанные с вхождением Автономной республики Крым в состав Российской Федерации. Именно подобный сценарий и рассматривался Францем Фердинандом в качестве идеального осуществления его политического замысла.

Под самим термином «триализм», так и не получившим широкого распространения следует понимать как саму идею преобразования дуалистической Австро-Венгрии в федерацию трёх субъектов, так и особую форму национального южнославянского движения, возникшего в словенских землях империи, в связи с высказыванием этих идей в политических кругах [22, Комментарий 3, С. 414].

Мощное развитие триализм получил в хорвато-словенской среде, особенно после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 году.

К 1910 всё большее число хорватов на территории империи «опутывались» этой идеей, тогда как словенское население в этом вопросе предпочитало, или сохранять нейтралитет, или поддерживать пророссийские позиции. Тем не менее, для Австрии на Балканах появилась реальная возможность попрасть права России называться духовной покровительницей и защитницей славян. Такие мысли открыто развивали некоторые представители словенской интеллигенции [22, С. 411-413].

В 1911 усиливается влияние чешских славян, видевших возможность создания системы триализма с образованием третьей федерации в Чехии, а не на юге империи. В связи с этим, в кругах, разделяющих идеи триализма, нарастают противоречия, повлекшие, в том числе, серьёзную реорганизацию Сла-

вянского парламентского союза, функционировавшего на территории империи [22, С. 414-416].

В 1912 году русскими наблюдателями фиксируется чёткое разделение словенских и далматинских политических кругов на две группы, одна из которых разделяла основные положения триализма, другая же требовала установления полной внутренней автономии словенцев и хорватов, в которой виделось свое спасение в будущем [22, С. 416-418].

В 1913 году после победоносного для Сербии и Черногории завершения Балканских войн 1912-1913 годов наблюдается сильный рост в южнославянских регионах империи сербофильских настроений, в связи с чем проваливается идея панславянской конгрегации в империи на основе католицизма [22, С. 419-420].

Помимо прочего яркую антитриалистическую позицию занимал сам император Франц Иосиф I, а также венгерские политические круги, усмотревшие в этом возможное ограничение собственных прав в империи [18, С. 25-26].

Вследствие этого к 1913-1914 годам русские наблюдатели констатируют в своих донесениях министерству иностранных дел практически полный крах триалистических идей, резкий подъём великосербской идеи и усиление внутреннего словено-хорватского стремления ко вхождению в состав сербского королевства [22, С. 420-421].

Такой исход не мог не сыграть, как в пользу России, отстаивавшей свое монопольное право называться защитницей и покровительницей южных славян на Балканах, так и в пользу её главной союзницы в этом регионе – Сербии.

Так постепенно славянское население Балканского полуострова всё сильнее очаровывалось идеей о своей неразрывной исторической связи с русским народом, вплоть до того, что с этими народными настроениями было вынуждено считаться его правительство. В конечном итоге это открывало широкий простор для деятельности представителей русских дипломатических и военных миссий на Балканах на поприще укрепления русско-балканских и внутренних балканских связей.

История российской дипломатии на Балканах в указанный период есть яркий пример того, как планомерный, длительный и целенаправленный внешнеполитический курс в конечном итоге влечёт за собой благотворный

результат.

1912 год стал ключевым для дипломатии Российской империи на Балканах в предвоенный период. Он ознаменовался, прежде всего, величайшим её взлётом. Уже имея ряд необходимых договоров с рядом стран, упрочняющих её военное присутствие в регионе [16, С. 456-459, С.476.] и выступив, наконец, в роли посредника в деле образования военного союза славянских государств [18, С. 28-30], она начинает всецело ощущать себя полноправной хозяйкой в регионе.

В целом можно сделать следующий вывод: русской дипломатии в 1902-1914 годах не удалось вовлечь в орбиту непосредственного влияния Российской империи все без исключения славянские государства полуострова, прежде всего в отношении Болгарии, не смотря на то, что определённые шансы на это в её распоряжении были. Это во многом обусловило слабость и малый стратегический потенциал южных фронтов Антанты в Первой Мировой войне. Как и на всех других направлениях, здесь были крайне редки крупные наступательные операции и крайне редко последние оборачивались значительными успехами.

Благодарности

Заведующему кафедрой Новой и Новейшей истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктору исторических наук, профессору Белову Михаилу Валерьевичу.

Список литературы

1. «В пороховом погребе Европы». 1878-1914 гг. – М.: «Индрик», 2003. -536 с. с ил.
2. Виноградов, В.Н. Об исторических корнях «горячих точек» на Балканах // Новая и Новейшая история. – М., Печатный орган Института всеобщей истории РАН.- 1993.- №4.
3. Виноградов, В.Н. За балканскими фронтами Первой мировой войны. – М.: Издательство «Индрик», 2002.- 502 с.
4. Вишняков, Я.В. Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX – начале XX века // Человек на Балканах. Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Алетей.- 2009.- С. 86 – 107.
5. Вишняков, Я.В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала

XXвека. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 439 с.

6. Дроговоз, И. Г. Англо-бурская война 1899–1902 гг. / И. Г. Дроговоз. — Мн.: Харвест, 2004. — 400 с.

7. Жебокрицкий, В. А. Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг.- Киев: Издательство Киевского университета, 1960. – 251 с.

8. Жогов, П.В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая балканская война 1912-1913 гг.- / П. В. Жогов ; Академия наук СССР, Институт всеобщей истории. - Москва: Наука, 1969. - 392, [3] с.

9. Задохин, А. Г., Низовский, А. Ю. «Пороховой погреб Европы». — Москва, «Вече», 2000.- 416 с.

10. Захаров, П.В. Англо-русские дипломатические отношения в период Балканских войн / Захаров, П.В.- Рязань, 2002.- 17 с.

11. Зайончковский, А. М. Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины. // Красный архив, 1925, Т.3 (10).- С. 41-53.

12. Кавтарадзе, А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг.- М., 1988.- 267 с.

13. Мировая политика и международные отношения / Под.ред. С.А.Ланцова, В.А.Ачкасова. - СПб.: Питер, 2007. – 448 с.

14. Мурзаев, Э. М. - Словарь народных географических терминов.- М.: Мысль, 1984.- 653 с., ил

15. Пастухов, А. Балканская война 1912 1913 гг. – Москва: ООО «Издательство АСТ», 2003.- Москва: Издание Товарищества издательского дела и книжной торговли Н.И. Пастухова, 1914.- 210 с.

16. Потапов Н.М. Русский военный агент в Черногории. Том 1. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902-1915гг.- М.: Подгорица, 2003.- 791 с.

18. Писарев, Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны.- М., Изд-во Наука, 1985.- 285 с.

19. Писарев, Ю.А., Мальков, В.Л. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / сборник статей. – М.: Наука, 1994. – 306 с.

20. Петросян, Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. Исторические очерки.- М., Наука, 1990. — 187 с.

21. Поповски, В. Историко-политическое и правовое значение Берлинского договора 1878 г. для Македонии Балканах // Новая и Новейшая история. – М., Печатный орган

Института всеобщей истории РАН. 1997. № 5.

22. Русско-словенские отношения в документах (XII в. – 1914 г.). М.: Древлехранилище, 2010. 653 с.

23. Рябинин, А. Малые войны первой половины XX века. Балканы. М: ООО «Издательство АСТ»; СПб., Terra Fantastica, 2003. 542 с.: ил.

24. Хальгартен, Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой

войны. Москва, Иностранная литература, 1961. 700 с.

25. Хитрова, Н.И. Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908. М., 1993. 354 с.

26. Шемякин, А. Л. Характер Сербской народной радикальной партии по письмам Николы Пашича / А. Л. Шемякин // Российские и славянские исследования: науч. сб. / Белорус. гос. ун-т.; А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. Минск, 2008. — Вып. 3. — С. 195–204.

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА «ДЕМОКРАТИЯ»

© 2014 г. М.С. Осипова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

osipova.mary@rambler.ru

В статье анализируется концепт «демократия», сопоставляются особенности его интерпретации в высказываниях политических деятелей с восприятием демократии массовым сознанием, формируется полевая модель концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивное поле, когнитивные признаки, цепочечный ассоциативный эксперимент, полевая модель концепта, политический дискурс.

Демократия представляется сложным и противоречивым явлением. Законодательство РФ не содержит легального определения демократии, что делает возможным появление многочисленных трактовок, значительно различающихся, а зачастую и противоречащих друг другу. В связи с этим оказывается важной задача выявления особенностей интерпретации концепта «демократия».

Нами был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, в ходе которого было опрошено 100 человек в возрасте от 19 до 58 лет, а также проанализированы интервью и стенограммы выступлений политиков за период с 2006 по 2012 гг., опубликованные на сайте Президента РФ и на интернет-портале «Российской газеты».

При интерпретации результатов ассоциативного эксперимента учитывались все реакции, в том числе и единичные. Были выявлены наиболее частотные ассоциации. В результате была составлена словарная статья, представляющая собой ассоциативный слой слова-стимула. В ядро концепта попали такие ассоциации как *свобода* 34, *власть народа* 22 / *народовластие* 4 / *власть народу* / *народное правление* (всего – 29), *народ* 25. В область ближней периферии (79) – *равенство* 16, *власть* 14, США 13, *свобода слова* 13, *политика* 12 и др., к дальней периферии относятся 118 ассоциаций, среди которых *Греция* 3 / *Древняя Греция* 3 / *Афины* 3 (всего – 9), *выборы* 9, *выбор* 7, *справедливость* 7 и др. В область крайней периферии вошла 151 ассоциация: *голос*, *социум*, *масса*, *охлократия*, *неравенство* и др.

В соответствии с семантическими признаками ассоциаты распределились по нескольким тематическим группам: права и свободы, государственный механизм, форма государственного правления, политический режим, основы демократии, политическая жизнь, страны, личности, ценности, гуманизм, оценка демократии и другие. Можно выделить некоторые особенности распределения ассоциаций по группам. Наиболее релевантным оказывается признак *свобода*. Причем важно как абстрактное понятие свободы, так и наименования конкретных политических свобод, среди которых самыми частотными являются *свобода слова* (13), *свобода выбора* (3), *свобода мысли* (2), *свобода вероисповедания* (2).

Среди ассоциаций, входящих в группу «Государственный механизм», отдельно стоит выделить понятие *народного суверенитета*, которое включает в себя попадающие в ядро концепта ассоциации *народ* (25) и *власть народа* (22). Вообще, признак *активного участия граждан в политической жизни общества* оказывается очень важным. Уделяется внимание формированию воли государства именно через формы прямой (непосредственной) демократии: сам пишу законы. В соответствии с набором ассоциаций (*решение большинства*, *правление большинства*, *важно мнение каждого человека*) можно говорить об осознании проблем демократии: если управляет *большинство*, то руководствуются интересами именно *большинства*, а значит, мнение *каждого* человека не может быть учтено.

Среди принципов организации и деятельности государственного аппарата выделяются легальность власти (*право 5, законность 2*), а также взаимодействие власти и общества (*подотчетность органов власти, ответственность*). Достаточно большим количеством репрезентантов концепта представлена группа «Основы демократии», в которой можно выделить ассоциации, характеризующие социальную (*социум, сообщество*) и экономическую (*предпринимательство, рыночная собственность*) базы демократии.

Среди ассоциаций из группы «Страны» одной из наиболее частотных реакций являются США (13). Упоминание об этом государстве в связи с демократией может быть связано с двумя причинами: с одной стороны, США позиционируются в роли эталона демократии, с другой – воспринимаются страной, осуществляющей «экспорт демократии». Вторая по частотности ассоциация из этой группы – Греция 3 / Древняя Греция 3 / Афины 3 (всего – 9). Это объясняется тем, что именно с установления афинской демократии начинается история народовластия.

Одна из наиболее обширных групп – «Оценка демократии», причем отмечается большое количество ассоциаций с отрицательной коннотацией (49): *анархия 3, обман 3, манипуляция 2, правовой беспредел* и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что демократия в массовом сознании – это такая организация общественной жизни, которая, основываясь на народном суверенитете, способна обеспечить реализацию основных прав и свобод граждан и гарантировать законность и правопорядок.

Обратимся к анализу высказываний политических деятелей. По его результатам был выявлен список лексических единиц, связанных с заглавным словом различными видами отношений: парадигматическими, синтагматическими и отношениями словообразовательной производности. На этапе когнитивной интерпретации отобранного речевого материала были выявлены когнитивные слои и признаки.

Как и по результатам ассоциативного эксперимента, выделяется слой «Государственный механизм», в когнитивных признаках и наборе ассоциатов которого можно обнаружить некоторые особенности. В подгруппе «Народный суверенитет» наиболее частотной ассоциацией являются *выборы 76, а не народ*. То есть можно согласиться с мнением, что в современной России демократия понимается

как ‘способность регулярно избирать руководителей’ [1, с. 169], а не как реальное участие граждан в формировании воли государства. Выделяется специфическая подгруппа «Функции демократии», к которой принадлежат ассоциации, акцентирующие внимание на *защите 12, борьбе с коррупцией 7, правах меньшинства 2*.

По характеру ассоциатов, входящих в когнитивный слой «Принципы деятельности государственного аппарата», можно сделать вывод о том, что ведется речь о децентрализации власти: делается акцент на *самоуправлении 7, заинтересованности граждан, обратной связи власти и общества 2*.

Наряду с легальностью власти (закон 4, Конституция 11) выделяется *легитимность 2* – оценочная характеристика, обозначающая признание правомерности власти населением. Как и в ассоциативном эксперименте, выделяется когнитивный слой «Основы демократии», но в качестве социальной базы наряду с *гражданами 31* называется *политическая элита 10*, под которой понимается наиболее ценная для общества группа, стоящая над массами и призванная в силу обладания особыми качествами управлять ими.

Особое значение приобретает когнитивный слой «Развитие», в котором можно выделить частный признак *технологического прогресса (высокие технологии, модернизация 8)*. Надо сказать, что связь демократических преобразований в обществе с экономическими и технологическими трансформациями отмечается многими исследователями: «модернизация порождает культурные сдвиги, которые способствуют автономии личности и демократии» [2, с. 167]. Демократия понимается как то, что нужно развивать и строить (*расширяя демократию, начали строить*), указывается на необходимость придания ей некоторых качеств (*делают демократию эффективной*). То есть демократия представляется желательным явлением, которого, впрочем, лишь предстоит достигнуть (*о переходе к демократии, помочь превратиться в демократию*). Есть группа лексикона, свидетельствующая о сомнении в реальности существования демократии (*кажется пьесой, имитировать демократию*). Таким образом, восприятие демократии сложно и неоднозначно. С одной стороны, она осознается положительным и необходимым явлением, а с другой – обнаруживаются препятствия, не дающие реализовать её в полной мере.

Политические деятели не обходят сторо-

ной проблемы демократии, среди которых называются такие, как *слабость институтов, бюрократия*. Встречаются случаи негативной оценки демократии: *двойные стандарты, подмена* и др. Появляется признак «истинность/ложность»: *подлинная, фиктивная, псевдодемократический*. Всё это также свидетельствует об амбивалентности демократии: это и образцовый политический режим, и способ сокрытия истинных намерений (*двойные стандарты, фасадная*).

В высказываниях политических деятелей частотны лексемы с когнитивными признаками «борьба» и «дискуссия», входящими в слой «Политическая жизнь общества»: *война за демократию 5, политическая конкуренция, дискуссия 6*. Это согласуется с изложенным выше мнением, что в современной России демократия сводится лишь к процедуре избрания руководителей и выражается в соревновании политиков друг с другом за мандат на правление [3, с. 12].

Среди стран, связанных с демократией, достаточно часто упоминаются США 13, что согласуется с результатами ассоциативного эксперимента. Но вместе с тем говорится и о странах Азии, которые чаще всего противопоставляются развитым демократическим государствам как наиболее коррумпированные.

Анализ отношений синонимии позволил выделить как языковые (*народовластие, управление народа*), так и контекстные синонимы (*свобода, самоограничение, роскошь*). То есть в высказываниях государственных деятелей демократия – это не только *свобода*, но и *ограничение прав большинства правами меньшинства*, чего не было выявлено в ассоциативном эксперименте.

Среди антонимов наиболее обширна группа слов, противопоставляющих современную демократию политическому режиму СССР: *авторитарные традиции, тоталитаризм, коммунистический режим*.

С синхронической точки зрения *демократия* имеет разветвленное словообразовательное гнездо. Большая часть дериватов по лексико-семантической отнесенности является именами прилагательными (*демократический 97, демократичный 2, псевдодемократический* и др.). Среди производных других частей речи были выявлены имена существительные (*демократизация 7, демократ 3* и др.) и глаголы (*демократизировать 2*). Один из дериватов является окказионализмом – *вне-*

демократические.

В целом, по материалам ассоциативного эксперимента и на основе высказываний политических деятелей были выявлены как общие когнитивные слои и признаки, так и различные. В официальных источниках демократия зачастую сводится к политическому методу, институциональному устройству для принятия политических решений [4, с. 335],

то есть к способности граждан регулярно избирать руководителей. Наряду с этим под демократией понимается политический режим, способствующий достижению определенных целей государства, опорой которого является не только народ, но и профессиональная политическая элита. Для массового сознания демократия – это реализация прав и свобод, способ выражения воли народа и непосредственного участия граждан в формировании политического курса государства. И в высказываниях политиков, и в современном национальном сознании демократия обязательно связывается с экономической ситуацией, что считается особенностью демократии в России [3, с. 8]. Общей чертой является неоднозначность оценки демократии, сомнения в реальности её существования.

Список литературы

1. Мельвилль А.Ю. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Отв. ред. Л. Шевцова. М. 1998. С. 136-194.
2. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / Центр исследований постиндустриального общества / Отв. ред. В.Л. Иноземцев. М.: Европа, 2010. 318 с.
3. Ильина Н.Б. Идея демократии в восприятии российского общества // Политико-философский ежегодник. М.: ИФРАН, 2009. Вып. 2. С. 3-22.
4. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. и общ. ред. В.С. Автономова. М.: Экономика, 1995. 540 с.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (дата обращения 15.03.2014)
6. Президент России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения 15.03.2014)
7. Российская газета [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rg.ru> (дата обращения 15.03.2014)

УДК 323.2

ФАКТОР УЧАСТИЯ И СТЕПЕНЬ ВЛИЯНИЯ ОППОЗИЦИОННЫХ ГРУПП,
А ТАКЖЕ РАДИКАЛЬНЫХ ИСЛАМИСТСКИХ ГРУППИРОВОК
В КОНТЕКСТЕ ЛИВИЙСКИХ СОБЫТИЙ 2011 Г.

© 2014 г. В.Ю. Беляев

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

WladislavBelyaev@yandex.ru

Рассматривается конфликт в Ливии 2011 года, который является одним из тех массовых протестов на Ближнем Востоке, обнаживших огромный пласт копившихся десятилетиями проблем. В основе данного народного протеста лежат глубокие и всеохватывающие проблемы, в нем участвуют не только внутренние силы, но и внешние, что придает этому событию особую важность и его тщательное исследование имеет неоспоримую актуальность. Следует отметить, что одним из основных факторов в том синтезе сил, который сложился в Ливии к 2011 году, являются радикальные исламистские организации. Необходимо с большой уверенностью отметить, что представители ряда исламистских группировок, как на территории Ливии, так и за ее пределами довольно не однозначно относились, как к личности самого Муаммара Каддафи, так и к его режиму. Зачастую, Каддафи и его основополагающие убеждения относительно методов и характера управления государством не одобрялись многими радикальными оппозиционными группами. Исламисты имели не достаточное влияние в ливийских правящих кругах, поэтому и само государство имело характер светского образования.

Ключевые слова: Ближний Восток Ливийская Арабская Джамахирия, Муаммар Каддафи, ислам, оппозиционные силы, исламистские организации.

Происходящие в последнее время события в различных уголках современного мира могут и должны быть восприняты не только разного рода специалистами по международным отношениям, политологии, мировой экономике, но и широкой общественностью, как факты предвосхищающие изменение и ребалансирование мировой системы. Многими признается, что всем известная однополярная система постепенно изживает себя, потому что была построена на ряде основополагающих факторов, которые имеют тенденцию к исчезновению. В качестве примера таких факторов необходимо упомянуть следующие немаловажные особенности международных отношений, как доминирование одного полиса во всех сферах жизнедеятельности, господство межправительственных отношений, как основы международных, роль "мирового полицейского" должна быть непререкаема и исполняться постоянно и всеобъемлюще и т.д. США, как действующая супер-держава из

всех сил пытается укрепить имеющийся статус и продолжить исполнять свои обычные обязанности перед мировым сообществом, а в частности гарантировать стабильный ВВП США, а также уровень благосостояния и жизни своих граждан.

Однако, положение дел в современном мире таково, что США не в силах единолично решать такого рода вопросы. Имеется необходимость создания многочисленных альянсов, союзов и объединений с целью решения тех или иных вопросов. Да, кто-то, может быть, скажет, что кооперация и сотрудничество в современном мире необходимы с целью решения общих всемирных проблем и трудностей. Но даже самый смелый либерал не осмелится заявить, что такого рода кооперация не имеет права быть направлена против государства, независимо от того режима в котором то существует.

Именно такое и случилось в Ливии, дикторский режим, совершенно не западно-де-

мократические государственные институты, внешнеполитический "эпатаж" лидера, накопившиеся трудности взаимоотношений, и многое другое стало основой для свержения режима Муаммара Каддафи. Нам, как сторонним наблюдателям довольно трудно оценить степень участия тех или иных сил в данном, свершившемся процессе. Однако с помощью системного анализа различного рода источников необходимо подчеркнуть, что Ливийские события носили многосторонний характер. Коалиция стран, недовольных положением дел в Ливии, образца 2010 года, поддержала внутреннюю оппозицию в стране, приложила максимум необходимых сил и средств и, в конечном счете, добилась свержения и убийства "диктатора".

Однозначно, усилия внешних сил не увенчались бы успехом, если бы не существовали многочисленные внутри ливийские противоречия и так называемые оппозиционные силы. Нельзя даже называть данные антиправительственные формирования оппозицией (в полном смысле этого слова), потому что оппозиция в первую очередь должна сохранять диалог с действующей властью, чтобы критиковать режим или высказывать свою точку зрения на происходящие процессы, но в Ливии все попытки власти сесть за стол переговоров или создать какой-либо базис для диалога был, в большинстве своем, отвергнут, потому что оппозиция не желала разговаривать, она желала свергнуть режим и встать на его место. Также нельзя говорить о каком-либо единстве или координации действий между различного рода антикаддафистами. Говоря о такого рода оппозиции, прежде всего, следует упомянуть, что Ливия была, есть и останется племенным государством. Муаммар Каддафи в 1969 году захватил власть путем свержения короля Идриса I, который возглавлял исламскую общину сенусситов и опирался на восточные ливийские племена и, в частности, на лояльное население Бенгази. [1] В 2005 году в Лондоне была созвана "Национальная конференция за Ливийскую оппозицию". Были представлены 7 оппозиционных групп. Одной из них и были те самые сенусситы, а именно группа, возглавляемая Мухаммедом ас-Сенусси сыном брата последнего короля Объединенного королевства Ливии Идриса ас-Сенусси. В 2011 году также против Каддафи выступило множество племен (варфалла, магариха, зувайа, зинтан, авляд сулейман, тархун, обейдат), населяющее по большинству своему территорию Киренаики.

Не последнюю роль в данном контексте занимали и так называемые радикальные исламистские группировки. Хотелось бы отметить, что Муаммар Каддафи всегда был неоспоримым мусульманином и последователем "истинного ислама", и, несмотря на то, что государство было фактически светским, это не мешало 97% населения исповедовать ислам суннитского толка. Однако Каддафи сразу невзлюбили различного рода исламские фанатики, прежде всего за его предложения по объединению Палестины и Израиля под наименованием Изратина [2], в стране было запрещено многоженство, а права женщин и мужчин практически уравнианы. Таким образом, Муаммар Каддафи был признан такфиром и изменником интересов арабского мира и мусульман, к примеру, ряд лидеров призвал убить Каддафи за его деяния как до событий 2011 года, так и во время них (обращение шейха Юсуфа аль-Кардави). Также было приостановлено членство Ливии в Организации Исламской Конференции и Лиге Арабских Государств.

Под термином ливийских исламистов необходимо понимать такие активные элементы политической системы Ливии, которые используют идеологию, ориентированную на создание такого государства, в котором все сферы жизни (экономическая, политическая, культурная, духовная, социальная, военная и т.д.) будут регулироваться, исключительно исходя из исламских норм, прописанных в шариате. Апеллирование к традициям, обычаям и религии, господствующей в массовом сознании позволит оправдать действия самих исламистов. Выделяя основные исламистские силы в Каддафийской Ливии, исходя из предыдущей основополагающей характеристики, следует выделить следующие группы: (основные течения совпадают с теми, что были представлены на выборах во Всеобщий Национальный Конгресс 2012г.) Партия справедливости и развития, Национальный фронт спасения Ливии, Партия Родина, Общество Ислама, партия Основа и др. [3]

Партия справедливости и развития является официальным крылом ассоциации "Братья-Мусульмане". Организация была запрещена с 1970г., поэтому ассоциация не имела особого влияния на широкие массы, как это было в Египте или Тунисе. К примеру, в этих странах ассоциация действовала путем пропаганды через социальные программы в мечетях и университетах. Все представители преследовались Каддафи, большинство из

членов партии были помещены под стражу по политическим мотивам, что повлекло за собой свертывание всякой активности на территории Ливии и перенос штаб-квартиры в Лондон. К активному участию во внутригосударственных Ливийских делах партия приступила непосредственно в 2011 году, когда её участники проявили себя не только в боевых действиях, но и на фронтах слова и пропаганды. На данный момент крыло возглавляет уроженец Мисураты Мухаммед Саван.

Национальный фронт спасения Ливии был создан в 1981 под руководством Могарефа, когда и начала свою антиправительственную деятельность. Программа действий была довольно похожа на намерения ливийских "Братьев-Мусульман". Однако, как и представители Партии справедливости и развития, участники данной организации аналогично подвергались гонениям со стороны правящего режима. Активисты были вынуждены перебраться за рубеж, до всем известных событий 2011 года. Территория действия в основном ограничивается Восточными регионами страны. Лидером на данный момент является Мухаммед аль-Макриф.

Партия Родина является радикально-исламистской или салафитской группировкой, которая вела борьбу вместе с "Аль-Каидой" против действующего на тот момент режима Муаммара Каддафи. Данная партия входит в альянс "Сообщества Ислама", возглавляемое Абдул Хакимом Бельхаджем. Основой идеологии партии являются следующие тезисы: восстановление исламского халифата, свержение режима Каддафи, создание Исламского государства на территории Ливии. Данная партия оказала широкое влияние на событие в Ливии 2011 года. Прежде всего, участники Партии Родина являются одними из самых активных элементов в стане антикаддафистов, также в ходе боевых действий они отличились, как дисциплинированные и эффективные боевые отряды, которые смогли захватить ряд стратегических объектов и населенных пунктов.[4]

Анализируя события, а также доктринальные основы данных партий следует подчеркнуть их разрозненность, относительную политическую слабость. Муаммар Каддафи за время своего правления хоть и не смог вывести страну из кланово-племенной системы управления, но и не допустил влияния различного рода исламистов на внутренние дела Ливии. Исламисты не смогли "пустить корни" и создать условия социального хаоса, поэтому и на недавних парламентских выборах исламисты не смогли представить какую бы то ни было сильную коалицию, а также проявили свою слабость и зачастую стремление прикрыться теми или иными исламистскими догмами ради получения голосов избирателей. Бытует точка зрения, что Ливия никогда не станет исламским государством, потому что страна пережила слишком долгий период времени в условиях запрета партий, течений и движений по религиозным и этническим соображениям.

Список литературы

1. Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Российская газета, 2012. 414 с.: ил. стр 386–390
2. Муаммар аль-Каддафи Белая книга. (режим доступа - [http://www.kaddafi.ru / isratina.html](http://www.kaddafi.ru/isratina.html))
3. Шериф Абдель Азиз Почему проиграли исламисты в Ливии?. Заметка Ислама (режим доступа. <http://www.islammemo.cc/Tkareer/Tkareer/2012/07/14/153120.html#2>)
4. Лукьянов Г. Итоги выборов в новой Ливии. Кто теперь у власти? <http://publications.hse.ru/articles/65876142>
5. السلاح إذا اضطررنا للندفاع عن أهداف ومكتسبات الثورة الإسلامية في ليبيا: سنحمل
6. Пластун В.Н. Эволюция идеологии и тактики экстремистских движений в странах Востока. Новосибирск.: Сибирский хронограф, 2002 г. 712 с.

УДК 297

ЦЕННОСТИ И КУЛЬТУРА В ПОДХОДАХ К ВОПРОСАМ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И США: ПРИЧИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИЛИ ПОВОД ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА?

© 2014 г. С.Н. Безрукова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

svetla-bezrukova@yandex.ru

В статье рассматривается противоречивая роль ценностей и культуры в современных внешнеполитических доктринах России и США. Проблемный характер российско-американских отношений в настоящее время требует тщательного исследования культурного аспекта антагонизма двух стран.

Ключевые слова: США; Россия; национальный интерес; национальная безопасность; общечеловеческие ценности; антагонизм; реализм; российско-американские отношения.

Текущий 2014 год в России объявлен Годом культуры. Однако события, которыми он был наполнен, вряд ли впишут его в историю с таким названием. Продолжает нарастать напряженность между Россией и западными странами, прежде всего США. Пиком этого противостояния на данный момент являются события на востоке Украины, выраженные в открытой поддержке различных политических сил этой страны, информационной войне и экономических санкциях США и ЕС против России. Многие стали задаваться вопросами: не новая ли это «холодная война»? Учитывая, что это не первый опыт российско-американского противостояния, в чем кроется суть тенденций антагонизма этих двух стран? Между СССР и США существовали идеологическое противоборство и культурное соперничество, какие же различия в ценностях разделяют две демократические страны сегодня?

Основные внешнеполитические доктрины США и России по-прежнему опираются на теорию реализма, где главными для государства являются сила и ресурсы. Эти два ключевых элемента позволяют успешно реализовывать национальные интересы, но существует большая разница в их интерпретации в США и в России.

Соединенные Штаты представляют свои национальные интересы, как сохранение гегемонии США в мировой политике. Это подразумевает, что в странах, которые имеют

политическое, экономическое или военное значение для Соединенных Штатов, должны быть подконтрольные или союзные им правительства. Пример Саудовской Аравии показывает, что они даже необязательно должны быть демократическими. В США также существуют классификации национальных интересов. В их основе лежит критерий значения в сохранении и поддержания доминирующего положения Соединенных Штатов в мире. А определение национальной безопасности базируется на способности отвечать на вызовы тех акторов или процессов в мировой политике, которые могут помешать реализации американских национальных интересов. При этом моральным оправданием для такого привилегированного положения одной страны, по мнению влиятельных американских ученых и политиков, служит культурное превосходство США, выраженное в сложившихся демократических, гуманистических ценностях. Так, Г. Киссинджер в самом начале своего монументального труда «Дипломатия» пишет об исключительном историческом развитии США, которое привело к двум противоположным друг другу подходам к вопросам внешней политики: «Первый заключается в том, что Америка наилучшим образом утверждает собственные ценности, совершенствуя демократию у себя дома, и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества; суть же второго сводится к тому, что сами эти ценности накладывают на

Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе» [1]. Этой же линии придерживается и известный американский политолог З. Бжезинский: «Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке» [2]. На практике происходит так, как было в недавней ситуации с Сирией. Тогда для оправдания готовящейся военной операции в этой стране, президент США Б. Обама выступил с обращением к американскому народу, где одним из основных аргументов было исключительное положение Соединенных Штатов, которые «продемонстрировали готовность защищать не только свои интересы, но и интересы всех государств» [3]. А 28 мая 2014 года он заявил в своей речи перед выпускниками Военной академии в Вест-Пойнте: «...Я верю в американскую исключительность всеми фибрами своего существа... Это подводит меня к четвертому и последнему элементу американского лидерства: наша готовность действовать от имени человеческого достоинства» [4]. Таким образом, происходит подмена понятий «общечеловеческие ценности» на «американские ценности», а «общемировые интересы и безопасность» на «национальные интересы и безопасность США».

Национальные интересы Российской Федерации представлены в официальном документе, как «совокупность внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства» [5]. Становится очевидным главное отличие в подходах к внешней политике США и России. В Российской Федерации национальная безопасность в первую очередь носит оборонительный, защитный характер. В то же время, Россия заявляет о себе, как о стране с самобытной культурой, имеющей свои особенные ценности и культурные традиции (которые сейчас часто называют «Русским миром») и желающей самостоятельно вести как внутригосударственные дела, так и международные. Так Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию сказал следующее: «...мы не претендуем на звание какой-то сверх-

державы, понимаемое как претензии на мировую или региональную гегемонию, не покушаемся ни на чьи интересы, никому не навязываем своё покровительство, никого не пытаемся учить жить. Но мы будем стремиться быть лидерами, защищая международное право, добиваясь уважения к национальному суверенитету, самостоятельности и самобытности народов. И это абсолютно объективно и объяснимо для такого государства, как Россия, с её великой историей и культурой, с многовековым опытом не так называемой толерантности, бесполой и бесплодной, а именно совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства» [6].

Обращаясь к истории России, можно увидеть, что её внешняя политика всегда носила оборонительный характер, но в моменты внешних ценностных противостояний выдвигалась мысль русского мессианства (Москва-третий Рим, идеи мировой социалистической революции В.И.Ленина). При этом нужно учитывать, что «внешние потребности защищенности» нашего государства часто заставляли участвовать в конфликтах вблизи границ своей огромной территории, а небольшие государства-соседи порой насильно вынуждены были входить в сферу влияния России. Однако, даже обладая региональной гегемонией, РФ использовала её в оборонительных целях.

Ценностные и культурные различия, вкладываемые в определения национальных интересов США и России, порождают или усугубляют противоречия в межгосударственных отношениях между странами. Очевидно, что не только российское правительство, но и большинство граждан РФ не разделяют веру в исключительную роль США в решении мировых дел, и не верят в общемировой, гуманный характер их ценностей. В связи с этим, всё больше речь идет о «мягкой силе», которую «некоторые аналитики неправильно истолковали как синоним культуры и тем самым принизили её важность» [7]. А важность, по мнению известного американского политолога Джозефа С.Най-младшего, заключается в том, чтобы рассматривать культуру не как потенциал созидательной, творческой деятельности народов, выраженной так же в международных сотрудничествах и культурных обменах, а как потенциал влияния или дополнительный набор инструментов для реализации национальных интересов определенного государства или союзов стран.

Когда, кроме политических деятелей России и США, начинают свое противостояние именитые культурные деятели этих стран, масштаб конфликта перетекает в другую плоскость. Происходит нагнетание общественного мнения двух стран в сторону резко негативного восприятия друг друга, что является очень опасным, так как служит фундаментом для военного противостояния.

В России это выражается в популяризации теорий заговоров, а в США – в демонизации России. В художественных и документальных фильмах, в сюжетах популярных ток-шоу принято показывать культуру страны-антагониста в неприглядном, отталкивающем свете. Часто звучат американские призывы лишить Россию право проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 году, а российские депутаты всерьез рассматривают инициативы законов о запрете Макдональдса и фильмов Голливуда. Так в 2014 году был отменен концерт в Новосибирске известного американского певца Мэрилина Мэнсона, а гастроли российского Большого театра и оркестра Спивакова в США проходили на фоне антироссийских демонстраций.

И всё же, стоит отметить, что, и в ценностях, и культуре России и США есть много общего и привлекательного друг для друга. Американская массовая культура пользуется популярностью у россиян, а многие американцы знают и уважают русские традиции классической и современной литературы, музыки, балета и других видов искусства.

Важно, чтобы научные круги и культурные деятели двух стран отталкивались в своей деятельности от подлинно гуманистических ценностей, а не от геополитических. Русская и американская культура восхваляют во многом одни и те же добродетели, и существует много перспектив для сотрудничества двух стран, их плодотворного обмена и содействия по поддержанию мира. Основополагающие культурные ценности не должны подменяться ни российским национализмом, ни американской исключительностью.

Современный мир не похож на тот, что был еще сто лет назад. Информационное общество, в котором мы сейчас живем, создало особые условия для взаимодействия, как отдельных людей, так и целых государств. Мир стал более открыт к взаимосвязи разных культур и народов друг с другом. Однако апелли-

рование реалистическими и либеральными терминами, которые показывают, что в основе целей международных отношений стоят не такие важные ценности, как культура, уважение и сотрудничество, а более прагматичные, такие как интересы, ресурсы и сила, делают мир весьма уязвимым и опасным. Российско-американские отношения долгое время показывали и показывают до сих пор, что духовные ценности и культура являются причиной противостояния. Однако хочется верить, что эти два понятия будут использованы в обоих государствах в истинном значении, и выполнять ту функцию для мирового сообщества, которую они и должны выполнять, то есть объединять, служить поводом для сотрудничества.

Список литературы

- 1) Киссинджер Г. Дипломатия. / Пер. с англ. В. В. Львова. – М.: Ладомир, 1997. – С. 2–3
- 2) Бжезинский З. Великая шахматная доска. / Пер. с англ. О. Ю. Уральская. М.: Изво: Международные отношения, 2009. – С. 2
- 3) President Obama's speech on Syria. Sept. 10, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.washingtonpost.com/politics/running-transcript-president-obamas-sept-10-speech-on-syria/2013/09/10/a8826aa6-1a2e-11e3-8685-5021e0c41964_story.html (дата обращения 12.07.2014).
- 4) President Obama's West Point Speech on Foreign Policy. May 28, 2014. [[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.huffingtonpost.com/2014/05/28/obama-west-point-speech_n_5404181.html (дата обращения 12.07.2014).
- 5) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (дата обращения 20.07.2014).
- 6) Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения 22.07.2014).
- 7) Най С. Джозеф-мл. Будущее власти. / Пер. с англ. В.Н.Верченко. – М.: АСТ, 2014. – С. 58